

А.В.Суворов
СЧАСТЬЕ, СМЫСЛ ЖИЗНИ И АКМЕ

Распорядись собой, прими решение,
Хотя бы и ценой уничтоженья.
И.В.Гёте. "Фауст".

Самые фундаментальные, наиболее значимые понятия предполагают необъятное, неисчерпаемое содержание. В соответствующих терминах (счастье, свобода, жизнь, любовь, совесть...) улавливается вполне прозрачный намёк на это содержание, но вот расшифровать этот намёк в дефиниции... "Понимаю, но объяснить не могу", - разводят обычно руками. Улавливается намёк на что-то очень хорошее, но в чём именно это "очень хорошее" заключается?

Когда подросток Наташа Корнеева задумалась у себя в дневнике над вопросом: "тело - моё, мозг - мой, а где же я сама?", - Эвальд Васильевич Ильенков подначивал всех своих знакомых теоретиков: "Попробуйте-ка ответить так же чётко и коротко, как спрошено!" Пробовали. Не получалось.

Ничуть не проще ответить и на вопрос, что такое счастье. Широко распространено наивное представление, что "это когда всё есть и ничего не надо". Такова точка зрения бедняка, завидующего богачу. Я возражаю: во-первых, любому богачу чего-нибудь да не хватает, значит, у него не всё есть, ему что-то надо, чего он не может купить ни за какие деньги; а во-вторых, под наивно-завистливое бедняцкое определение счастья подпадают разве что покойники, которым (как уверены живые) и впрямь не надо абсолютно ничего. Уставший от выживания вместо жизни человек и впрямь может соблазниться таким загробным "счастьем"...

Сам я принял в юности и разделяю до сих пор ту концепцию счастья, которую обнаружил в поэзии Александра Трифоновича Твардовского.

Некогда мне над собой измываться,
Праздно терзаться и даром страдать.
Делом давай-ка с бедой управляться -
Ждут сиротливо перо и тетрадь.
Некогда. Времени нет для мороки -
В самый образ для работы оно.
Жёсткие сроки - отличные сроки,
Если иных нам уже не дано.

Это стихотворение, особенно заключительное двустишие, стало моим рабочим девизом на всю жизнь. Борис Михайлович Бим-Бад в беседах со мной охотно цитировал какого-то иностранного классика: "Кто не успевает, тот не успеет"

никогда..." Надо успевать. Надо укладываться в "жёсткие сроки", а не жалко оправдываться, "объясняя" неизвестно кому, почему не уложился. Никому такие объяснения неинтересны. Себя не обманешь, а миру не всё ли равно, по каким причинам запланированный результат не состоялся...

Я сам дознаюсь, доищусь
До всех своих просчётов.
Я их припомню наизусть -
Не по готовым нотам.
Мне проку нет - я сам большой -
В смешной самозащите.
Не стойте только над душой,
Над ухом не дышите.

Когда я это восьмистишие Твардовского прочитал наизусть Эвальду Васильевичу, он даже подумал, что автор - я. Настолько моё отчаянное, яростное самоотстаивание соответствовало программе этих строк.

Итак, во-первых, жёсткая самоорганизация, творческая самодисциплина: "Жёсткие сроки - отличные сроки, если иных нам уже не дано". Во-вторых - трезвая самооценка, саморефлексия, свободная от всевозможных "комплексов". А в-третьих...

Ни ночи нету мне, ни дня,
Ни отдыха, ни срока:
Моя задолженность меня
Преследует жестоко.
У стольких душ людских в долгу,
Живу, бедой объятый:
А вдруг сквитаться не смогу
За всё, что было взято?
За то добро, за то тепло,
Участье и пристрастье,
Что в душу мне от них вошло,
Дало изведать счастье.
Сдаётся часом: заплачу,
Покрою всё до строчки;
А часом: нет, не по плечу, -
И вновь прошу отсрочки.
И вновь становятся в черёд
Сомненья, сил упадок.
Беда! А выйду на народ:
- Ну как? - Бодрюсь: - Порядок.
И устаю от той игры,
От горького секрета,
Как будто еду до поры
В вагоне без билета.
Как будто я какой злодей,

Под страхом постоянным,
Как будто лучших я друзей
К себе привлёк обманом.
От мысли той невоготу,
И тяжелей усталость.
Вот подведут они черту,
И - вдруг - один останусь.
И буду, сам себе родня,
Один, в тоске глубокой...
Ни ночи нету мне, ни дня,
Ни отдыха, ни срока.
За что же мне такой удел -
Вся жизнь, из суток в сутки?..
...А что ж ты, собственно, хотел?
Ты думал: счастье - шутки?

...А в-третьих - счастье.

Не завистливая сказочка бедняка о загробном, по существу, "счастье" богача, а трудное счастье сильного, занятого необъятной по значимости и объёму работой, человека - хозяина собственной судьбы. Счастье, не избавляющее от страданий и сомнений, - наоборот, предполагающее их. Но ведь согласно наивным сказочкам, счастливые всегда радуются и смеются, никогда не горюют и не плачут... Какие-такие страдания и сомнения? Они со счастьем несовместимы...

Ещё как совместимы. Не страдавший - не умеет сострадать, а не способный сострадать - объективно несчастен, ибо неполноценен. Это же нравственный урод.

Пытаясь подытожить столь близкие мне переживания-размышления Твардовского, - и приведённые выше, и другие, разбросанные в его поэмах и лирике, - я пришёл к следующей дефиниции: счастье - это посильность, разрешимость проблем, преодолимость трудностей (в одиночку или вместе с другими людьми). Счастье - это тот самый "Закон вечности" Нодара Думбадзе, согласно которому каждую человеческую душу можно поднять и нести только всем миром, ибо никому эта невероятная тяжесть в одиночку непосильна. И поэтому счастье обязательно предполагает любовь, дружбу, взаимопомощь, - одним словом, человечность. Быть хозяином своей судьбы можно, только опираясь на поддержку других людей - и в свою очередь поддерживая их, помогая им тоже быть хозяевами своей судьбы. И быть хозяином своей судьбы - значит не что иное, как иметь возможность решать все встающие проблемы, преодолевать возникающие трудности. Пока, благодаря поддержке других людей, это получается - ты хозяин своей судьбы; следовательно, ты счастлив.

Конечно, формально говоря, под эту дефиницию счастья можно подвести и преступника, который вместе со своими

сообщниками решает проблемы обогащения и захвата власти бесчеловечными, несущими другим людям горе, средствами. Но я бы не назвал необоснованным оптимизм народной мудрости: "Отольются волку овечьи слёзки". Впрочем, за немедленное обоснование этого оптимизма тоже не берусь - этим надо заниматься специально, а мимоходом ничего, кроме банальной демагогии, не получится.

Пускай преступники, поодиночке и всей бандой, воображают себя счастливыми - и вьют на свою шею ту самую верёвочку, у которой обязательно должен быть кончик. Но мы, законопослушные граждане, уж точно не можем быть счастливы никак иначе - без взаимопомощи в решении проблем выживания и обеспечения друг другу достойной, полноценной жизни. А стерильно универсальных дефиниций не бывает - или они получают до странности бессодержательными, тощими.

Понятие счастья Твардовский связывает прежде всего с понятием долга перед людьми, ответственности за всю свою жизнь, за её качество, и особенно - за творчество. Твардовский уверен, что людям нужна его "уживчивая муза", а посему в первую очередь именно поэтическими строчками должен он возвращать все полученные от людей авансы. И эта "валюта" ни в коем случае не должна быть фальшивой, не должна девальвироваться никакой меркантильной суетой. Душа должна принадлежать строчке полностью, должна быть полностью свободна для строчки.

Стой, говорю, всему помеха:
То, что, к перу садясь за стол,
Ты страсти мелочной успеха
На этот раз не поборол.
Ты не свободен был. И даже
Стремился славу подкрепить,
Чтоб не стоять у ней на страже,
Как за жену, спокойным быть.
Прочь этот прах, расчёт порочный,
Не надо платы никакой:
Ни той, посмертной, ни построчной, -
А только б сладить со строкой.
А только б некий луч словесный
Узреть, незримый никому,
Извлечь его из тьмы безвестной -
И удивиться самому.
И вздрогнуть, веря и не веря
Внезапной радости своей,
Боясь находки, как потери,
Что с каждым разом всё больней...

И - ободряющая улыбка в адрес молодых поэтов:
Дрова как будто и сухи,

Да не играет печка.
Стихи как будто и стихи,
Да правды ни словечка.
Пеняешь ты на неуспех,
На козни в этом мире:
- Чем не стихи? Не хуже тех
Стихов, что в "Новом Мире".
Но совесть - та исподтишка
Тебе подскажет вскоре:
Не хуже - честь невелика;
Не лучше - вот что горе.

Держайте, в общем. Но условие достижения вершины (по-гречески - Акме) в творчестве - бескомпромиссная верность правде.

Вот Александр Трифонович и вывел нас на всё. И на понимание счастья, и на смысл жизни, и на Акме.

Счастье - быть должным. Быть нужным. И иметь доказательства своей нужности, того, что ты должен - особенно в самом для тебя главном, в творчестве. Иметь поддержку.

Без этого нет смысла в жизни, а следовательно, нет и жизни, ибо жизнь без смысла - никакая не жизнь.

Но чтобы жизнь имела смысл и, следовательно, вообще была жизнью, а не прозябанием; чтобы чувствовать себя нужным, значимым, а следовательно, счастливым, - надо непрерывно быть на вершине - и одновременно стремиться к вершине. Непрерывно добиваться, достигать Акме, наращивая высшую точку своих возможностей, на которой привык находиться с детства. Акме - это предел наличных возможностей. И в то же время Акме - это пик жизни, то есть тот потолок возможностей, которого удалось достичь в течение всей жизни. Но при условии, что ты, как спортсмен на ответственном соревновании, выложился досуха, действительно достиг наивысшего возможного результата. Дал себе поблажку - на Акме не претендуй. Предел твоих возможностей так и остался неизвестен ни тебе, ни миру. И счастливым в этом случае тебя тоже трудно назвать. И жившим. Прозябавшим - да. А жившим? Ведь смысл жизни, то есть нравственный и творческий долг перед людьми, остался нереализован.

Осталась, иными словами, нереализованной мечта о себе самом - должном, таком, каким хочется, и можно, и нужно - быть. А мы, в конце концов, мечтаем именно и только о себе. И ни капельки эгоизма нет в мечте о себе, если мечтаешь о себе - хорошо: любящем, ответственном, добром... Словом - человеческом, то есть достойном звания и названия Человека.

Все наши проблемы в конце концов создаются тем - и

сводятся к тому, каковы мы в каждой, возникающей в каждый данный момент, ситуации. Этим, следовательно, определяются и все наши мечты: если нам не всё равно, какими быть, насколько человечно действовать в каждой ситуации, то тем самым определяется и содержание мечты - в конечном счёте неизбежно о себе. И мы счастливы постольку, поскольку удаётся в каждый данный момент соответствовать своей мечте о себе.

А не удаётся, и мы это чувствуем, не решаясь в этом себе признаться... Тогда - разнообразные способы ухода, отречения от себя, от своей мечты о себе. Вплоть до лицемерия: не быть, так хоть казаться. Вплоть до алкоголизма и наркомании: не быть, так хоть забыться. Вплоть до откровенного цинизма: "Полюби нас чёрненькими! Беленькими-то нас всякий полюбит!" (Н.В.Гоголь).

А не может ли нам быть в самом деле всё равно, какими быть? Не может ли быть, что мечта о себе хорошем так и не возникла, просто не сформировалась?

Идеал человечности, а с ним и содержание нашей мечты о себе, объективно задан в обществе. Кем-то он декларируется - и эти декларации так или иначе нам становятся известны. Кем-то он и реализуется - в том числе по отношению к нам самим. Совсем не соприкоснуться с ним если вообще возможно, то всё же весьма проблематично. Ведь кто-то нас да любит, кто-то да заботится о нас, поддерживает и длит наше физическое существование, - и мы тем самым имеем возможность этому учиться, по мере сил подражать, а, стало быть, знать идеал и как-то ему соответствовать. Идеал человечности (он же - идеал любви) первичен; бегство от него, противостояние ему, так же как и сознательное стремление к нему и отстаивание его, - вторично. Если дело обстоит иначе - у новорождённых нет шансов выжить.

Либо реализация мечты о себе хорошем (являющейся принятым "близко к сердцу" идеалом человечности), либо - полное человеческое банкротство то ли в форме бегства от мечты о себе, то ли в форме циничного отречения от неё, противостояния ей - и вместе с ней всему человеческому в себе и в мире.

Вот как всё взаимосвязано. Чтобы быть счастливым (то есть иметь поддержку), надо быть должным, нужным (в этом - смысл жизни), и постоянно быть на пределе своих нравственных, интеллектуальных, эстетических, физических, духовных возможностей (находиться на уровне Акме, то есть реализовать мечту о себе). И тогда...

Что тогда? "Я там был, мёд-пиво пил, да усы лишь обмочил"?

Вот именно - "обмочил". В нашем бестолковом, нелепом,

безумном мире даже самое что ни на есть несомненное счастье не исключает... суицида. Цель которого - именно остаться счастливым. Точнее - умереть счастливым. Потому что в обществе объективно существует всё же не только человечность, но и много-много чего, с ней несовместимого.

Попробуем быть диалектиками. Если уж мы берёмся рассуждать о смысле жизни, мы не имеем права молчать о смысле смерти. Одно с другим связано. Одно другое предполагает. Подразумевает. Одно другим порождается. Ибо так или иначе осмыслить свою жизнь, придать ей смысл - значит так или иначе осмыслить и свою смерть, занять по отношению к ней некую сознательную, продуманную позицию. И - тем самым - выбрать свою смерть, то есть решить для себя, какая смерть приемлема, а какая - неприемлема. Какая совместима, а какая несовместима с нашим смыслом жизни.

Артиста цирка, поставившего множество мировых рекордов, вылечившего себя от паралича и лечащего парализованных детей, несомненно одного из самых счастливых людей на планете, Валентина Ивановича Дикуля спросили на пресс-конференции:

- Что заставляло Вас добиваться рекордов, что было стимулом?

- Хотелось жить нормально. Либо жить нормально, либо лучше не жить.

- Бывали ли в вашей жизни трудные моменты?

- Два раза пытался уйти из жизни. Оба раза остановили в последний момент.

Реальное счастье предполагает страдания, решение проблем, преодоление трудностей. Реальное счастье предполагает заинтересованное, пристрастное участие других людей в формировании и реализации смысла нашей жизни, то есть в осмыслении нашего существования, в превращении существования - собственно в жизнь. Реальное счастье предполагает процесс достижения уровня Акме - восхождения на вершину и удержания на ней. И кроме всего этого реальное счастье предполагает вполне чёткое, мужественное, конкретное определение условий, при которых смерть - несчастье, катастрофа, - и других условий, при которых смерть - избавление от некой худшей участи. В известной мне литературе эти последние условия особенно мужественно и безоговорочно определяются в романах Ивана Антоновича Ефремова "Таис Афинская" и "Час Быка".

Вот отрывок из "Таис Афинской":

"- ... Это последняя моя просьба.

"- Почему последняя, о Клеофрад? - спросила ничего не подозревающая афинянка.

"- Только ты и твои подруги не знают еще назначения

этого симпозиона. Скажу тебе стихами Менандра: "Есть меж кеосцев обычай прекрасный, Фания: плохо не должен тот жить, кто не живет хорошо!"

"Таис вздрогнула и побледнела.

"- Ты не с Кеи, Клеофрад. Ты афинянин!

"- С Кеи. Аттика моя вторая родина".

"...Клеофрад встал, держа большую золотую чашу.

"- Мне исполнилось шестьдесят лет, и я не могу сделать большего, чем последняя Анадиомена" (статуя, натурщицей для которой послужила Таис. - А.С.). "Не могу любить жен, не могу наслаждаться путешествием, купаньем, вкусной едой, распевать громкие песни. Впереди духовно нищая, жалкая жизнь, а мы, кеосцы, издревле запретили человеку становиться таким, ибо он должен жить только достойно. Благодарю вас, друзья, явившиеся почтить меня в последний час. Радуйтесь, радуйтесь все, и ты, великолепная Таис, как бы я хотел любить тебя! Прости, не могу! Статуей распорядится Лисипп, я отдал ее ему. И позволь обнять тебя, богоравный друг!

"Лисипп, не скрывая слез, обнял ваятеля.

"Клеофрад отступил, поднял чашу. В тот же миг все подняли свои до краев налитые живительным вином, подняла, свою и Таис, только Гесиона с расширенными от ужаса глазами осталась стоять неподвижно, да Эрис восхищенно следила за каждым жестом афинянина.

"Запрокинув голову, он выпил яд залпом, пошатнулся и выпрямился, опираясь на плечо Лисиппа. Чаша с едва слышным звоном упала на землю. Остальные гости, как один, выпили и бросили свои чаши, разбивая вдребезги стекло, фаянс, керамику. Эти черепки насыплют под будущее надгробие.

"- Хайре! Легкий путь через Реку! Наша память с тобой, Клеофрад! - раздались громкие выкрики со всех сторон.

"Ваятель с серым лицом, с непроизвольно подергивающимися губами сделал последнее громадное усилие и широко улыбнулся, глядя перед собой глазами, уже увидевшими мрак Аида, и рухнул навзничь".

А вот отрывок из "Часа Быка":

"- Вы сказали, что я обязан доносить? - спросил он.

"Родис кивнула.

"- Так это совершенно верно! И я доносил все это время, иначе мне нельзя.

"- Почему?

"- День без донесения - и я не смог бы видеть вас. Никогда больше.

"- Что же вы доносили?

"- О, это опасная игра. Рассказать правду, которая не повредит вам, умолчать о важном, придумать полуправду. Имеешь дело с умными врагами, но полуправда, изобретенная

для политического обмана, годится как оружие против них же.

"- Зачем вы ведете подобную игру?

"- Как зачем? А десятки тысяч людей Ян-Ях, видевших коммунистическую Землю? А знание, каким вы вооружили нас? А радость общения с вами? Мне выпал счастливейший жребий! Увидеть другую жизнь, сказочно прекрасную, стоять на границе двух миров! Понять, поверить, убедиться в возможности выхода для народа Ян-Ях!

"- Простите, меня, Таэль,- почтительно, как старшему, сказала Фай Родис,- я знаю еще так мало и делаю обидные ошибки...

"- Что вы, звезда моя! - воскликнул потрясенный Таэль, пятясь к двери.

"Родис с силой потянула его за руку и усадила на большой диван - на нем не раз сидели земляне.

"Инженера охватило странное чувство отрешенности. Будто все это происходило с кем-то другим, а он сам был посторонним свидетелем разговора обитателей разных миров.

"Фай Родис забралась на диван, поджав ноги и обняв руками голые колени. Она смотрела теперь на тормансианского инженера по-иному, понимая, откуда эти глубокие морщины, избороздившие его лоб; почему страдальчески и навсегда непреклонно нахмурились брови над светлыми и зоркими глазами мыслителя; почему пролегли глубокие складки, сбегавшие от крыльев носа далеко на щеки, минуя углы полных, всегда сжатых губ; почему ранняя редкая седина проступала в бороде и усах.

"По своему обыкновению, Фай Родис положила пальцы на руку инженера, устанавливая телесный контакт, помогавший ощущать человека, столь далекого по своим привычкам и столь близкого в своих стремлениях.

"Таэль глядел задумчиво и печально. Не раз испытанное им ощущение космических бездн, как бы разверзавшихся позади Родис, подступило снова, и тормансианин вздрогнул.

"Родис сильнее надавила на его руку, тихо спросив:

"- Будьте откровенны со мной, Таэль. Чем грозят вам, что стоит за плечами у вас и, очевидно, у каждого жителя Ян-Ях?

"- Смотря по провинности. Если нарушу обязательство доносить, то меня ждет изгнание. Придется ехать куда-нибудь в далекий город, потому что в столице не будет для меня работы.

"- А если обнаружится, что вы воспользовались общением с нами, чтобы передавать своим друзьям нашу информацию?

"- Обвинят в государственной измене. Арестуют, будут пытаться, чтобы я выдал участников. Тех будут пытаться в свою очередь, они выдадут остальных и еще несколько сот

непричастных, просто чтобы избавиться от невыносимых мук. Затем всех уничтожат.

"Родис содрогнулась, хотя все это ей было знакомо. Но сейчас перед ней разворачивалась не история, не потонувшие в тысячелетиях переживания древних людей Земли. Сама жизнь Торманса в образе инженера Таэля смотрела на нее кротко и печально. В этом спокойствии было больше трагедии, чем в отчаянном крике. И экранированная тихо гудящим СДФ комната показалась Родис утлым плотиком во враждебном океане, где берег во все стороны равно далек и недостижим".

(СДФ - робот при каждом землянине, высадившемся на планете Торманс (она же планета Ян-Ях). - А.С.)

"- Я их не боюсь,- сказал Таэль,- и не потому, что уверен в своей силе. Никто не может устоять. То, что рассказывается в легендах о нестигаемых людях, или ложь, или свидетельство недостаточного умения палачей. Есть люди высочайшего героизма, но, если применить к ним достаточно длительные и достаточно сильные пытки, они также сломаются, превратятся из человека в забитое, полумертвое животное, исполняющее в полусне приказы.

"- На что же вы надеетесь?

"- На свою слабость. Палачи вначале крушат человека физически. Вторая ступень - психическая ломка. Я погибну на первой ступени, и они не добьются ничего!

"Фай Родис выпрямилась, вздохнув. Тормансианин не мог отвести глаз от ее высоко поднявшихся грудей. Непристойно и стыдно по морали Ян-Ях, но женщина Земли приняла взгляд инженера как естественную дань влечения мужчины.

"Фай Родис думала, что природа, несмотря на неотступную жестокость процесса эволюции, все же оказывается более гуманной, чем человек. Человек, изобретший тонкие, глубоко проникающие внутрь орудия - стрелы, копья, пули,- резко увеличил инферно мучений на Земле, отбросив боевую тактику хищного зверя, основанную на шоке первого удара, разрыве больших сосудов и безболезненной смерти от потери крови. Жертвы человека стали погибать в ужасных мучениях от глубоких внутренних воспалений. А когда психически неполноценные докатились до садизма, они создали адскую технику мучений, немедленно использованную в политических и военных целях".

(Инферно - ад. В романах И.А.Ефремова, особенно в "Часе Быка", это очень сложное понятие, общий смысл которого я бы передал так: инферно, инферность - уровень мучений и совокупность факторов, этот уровень определяющих. В "Часе Быка" понятие инферности лежит в основе всей научно-художественной концепции романа. - А.С.)

"И вот дети Земли вернулись в подобный мир, давно

стертый с лица их планеты!

"Фай Родис провела рукой по волосам инженера.

"- Слушайте, Таэль! Продолжайте их информировать, вы знаете, что у нас нет секретов. Мы возьмем вас в "Темное Пламя"" (звездолёт землян. - А.С.), "вылечим, дадим крепость тела, психическую тренировку. Вы постигнете, как управлять своим телом, чувствами, подчинять себе людей, если это понадобится для вашего дела. И вы вернетесь сюда другим человеком. Потребуется всего лишь два-три месяца!

"Тормансианин встал с дивана, решительно тряхнул головой.

"- Нет, Родис,- он произнес земное имя непривычно для резкого языка Торманса - певуче и нежно,- я не могу стать идеально здоровым среди болезненных людей своей планеты. Не могу потому, что знаю, как много времени и сил надо тратить на себя, чтобы держаться на этом уровне. Я ведь не получил идеального тела как наследство от предков. Одно приближение к вашей силе потребует столько времени и внимания для себя, что меня не хватит на более важное: доброту, любовь, жалость и заботу о других, в чем я вижу свой долг. Мало любви и добра в нашем мире! Мало людей, одаренных и не растративших свои душевные силы на пустяки вроде карьеры - жизни, богатой материально, или власти. Я родился слабым, но с любовью к людям и не должен уходить с этого пути. Спасибо вам, Родис!

"Родис помолчала, вглядываясь в инженера, потом ее "звездные" глаза потухли, прикрытые опущенными ресницами".

(Готовясь к высадке на Торманс, земляне, не меняя естественный цвет глаз, сделали их очень яркими ("звёздными"). - А.С.)

"- Хорошо, Таэль! Побуждения ваши прекрасны. Вы по-настоящему сильный человек. Будущее планеты в руках таких, как вы. Но примите лишь один дар от меня. Он освободит вас от опасения возможных мук и поставит вне власти палачей. Если найдете нужным, то сможете передать его и другим...

"Она снова посмотрела на инженера: понимает ли?

"- Да, вы догадались верно. Я научу вас умению мгновенно умереть в любой момент, по собственной воле, не пользуясь ничем, кроме внутренних сил организма. Испокон веков все тираны больше всего ненавидели людей, самовольно уходивших из-под их власти над жизнью и смертью. Право распоряжаться жизнью и смертью стало неотъемлемым правом господина. И люди уверовали в этот фетишизм, поддержанный христианской церковью. За тысячелетия прошедших на Земле цивилизаций они не придумали ничего, кроме мучительных способов самоубийства, доступных и зверю. Только мудрецы Индии рано поняли, что, сделав человека владыкой собственной

смерти, они освобождают его от страха перед жизнью...- Родис подумала и спросила: - Но, может быть, с вашим долгом "ранней смерти" все это не так существенно, как в древности на Земле?"

(Основное население Торманса (не считая правителей, конечно) делилось на "Кжи" и "Джи" - "краткожителей" и "долгожителей". Первые должны были жить не более двадцати пяти лет, после чего отправлялись в "Храмы Нежной Смерти" и подвергались процедуре безболезненного умерщвления - эвтаназии. Ко вторым принадлежала прежде всего техническая, научная, отчасти художественная интеллигенция... - А.С.)

"- Очень важно! - воскликнул Таэль.- "Нежная смерть" тоже целиком в руках олигархии, и без позволения никто не войдет в ее дворец. А для нас, образованных долгожителей, зависимость жизни и смерти от владык абсолютна.

"- Выберите время,- решительно сказала Родис,- при вашей психической нетренированности нам понадобится несколько занятий.

"- Так много!

"- Это нельзя усвоить без опытного учителя. Надо знать, как остановить сердце в любой желаемый момент. Едва обычный человек Ян-Ях начнет тормозить свое сердце, как мозг, не получая нужного ежесекундно кислорода и питания, сразу подхлестнет его. Поэтому для торможения сердца надо усыпить мозг, но тогда утрачивается самоконтроль и "урок" закончится смертью. Моя задача - научить вас не терять самоконтроля до последнего шага из жизни.

"- Благодарю, благодарю вас! - радостно воскликнул Таэль. Смело взяв обе руки Родис, он покрыл их поцелуями.

"Она высвободила руки и, подняв голову инженера, сама поцеловала Таэля.

"- Никогда не могла подумать, что я отдам влюбленному в меня человеку дар умереть. Как бесконечно странна и печальна жизнь во власти инферно!..

"Заметив, что Таэль смотрит на нее с недоумением, она добавила:

"- В одной из древних легенд Земли говорится о богине печали, утешавшей смертных отравленным вином.

"- Я помню эту легенду и теперь знаю, что она пришла от общих наших предков! Только у нас говорится, что вино приготовили из лоз, выращавших на могиле любви. У вас тоже?

"- У нас тоже.

"- И это так, богиня печали! До завтра? Хорошо?

"Инженер Таэль сам выключил экранирование и, не обернувшись, вышел, осторожно закрыв тяжелую и высокую дверь".

Позицию Ефремова можно подытожить так: момент моей

смерти зависит, во-первых, от степени (достаточной или недостаточной) принципиальной реализуемости мною смысла моей жизни; во-вторых - от наличия угрозы перечёркивания смысла, аннулирования результатов жизни, причём не только моей, но и моих друзей.

Первостепенное, решающее значение имеет позиция тех, с кем у меня смысл жизни частично или полностью совпадает. Насколько мы сможем помочь друг другу в реализации нашего общего смысла жизни, настолько мы будем реально счастливы, и у нас будет мотив реально длить и длить жизнь, оттягивая момент так называемой "своей" смерти.

Но если ситуация сложится не столь благоприятно, момент моей смерти должен определяться мною, а не государством и/или идеологией. Иначе о какой бы то ни было реальной свободе личности лучше не разглагольствовать. В данном пункте лично мне возразить Ефремову нечего. Ни, подобно Варламу Шаламову, закончить свои дни в доме престарелых, ни прозябать без каких-либо чисто технических (или иных, ещё более существенных) возможностей творчества, - я никак не хотел бы. Такая перспектива для меня - однозначно хуже смерти. Но избежать этой перспективы в одиночку, без поддержки других людей, я не смогу, - как и никто не сможет.

Вряд ли Иван Антонович Читал "Розу Мира" Даниила Андреева. Между тем этот великий мистик вполне солидарен с ним в вопросе о самоубийстве ради освобождения из-под тиранической власти. В первой главе пятой книги он пишет:

"Спасение души из рабства в Дуггуре" (одном из демонических, то есть демонами сотворённых, миров. - А.С.) "силами Света наталкивается на исключительные трудности. Есть, однако, один акт, зависящий от самой человеческой души, который может открыть перед ней путь к спасению: самоубийство. Греховное в Энрофе" (нашем физическом мире. - А.С.), "где материальность сотворена Провиденциальными силами и предуготовляется к просветлению, самоубийство в демонических слоях оправдано, так как влечет за собой разрушение карроха и освобождение души". ("Каррох" - телесная оболочка души в демонических мирах; наши тела в Энрофе, по Андрееву, состоят из "сияйры", менее плотной и грубой по сравнению с "каррохом". - А.С.)

В общем, Андреев тоже признаёт оправданным самоубийство в inferнальном (или "демоническом") мире, то есть мире, где преобладают мучения. Самоубийство признаётся целесообразным как способ освобождения от мучений, как бунт против инфракосмоса (той части космоса, где хозяйничают демоны), и Андреев гарантирует взбунтовавшейся против демонов душе переселение в уже просветлённые, "провиденциальные", а не "демонические", миры.

Итак, мы счастливы, пока нам обеспечена поддержка, достаточная, чтобы быть и оставаться людьми, а не бессмысленно влачить существование. И Твардовский совершенно прав, утверждая, что эта поддержка обеспечивает нам даже посмертное человеческое достоинство:

Ты дура, смерть: грозишься людям
Своей бездонной чернотой,
А мы условились, что будем
И за твоею жить чертой.
И за твоею мглой безгласной
Мы - здесь, с живыми заодно.
Мы только врозь тебе подвластны -
Иного смерти не дано.

То есть нам, людям, поскольку мы заслуживаем звания и названия людей, не дано иного счастья, - кроме коллективно обеспечиваемого.

21 апреля - 16 июня 2001